
Между нами - не только выживание. (1 часть)
Ирина Ба
18+

Ирина Ба

Между нами - не только выживание. (1 часть)

«Автор»
2026

Ба И.

Между нами - не только выживание. (1 часть) / И. Ба — «Автор», 2026

После судного дня жизнь поменялась , пошла на другому руслу. Дети которые потом выросли, научились выживать в новом мире. когда эти дети вышли из зоны дружбы к любовным отношениям во время апокалипсиса.

© Ба И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "Он спасал меня - а я влюбилась". 5
Глава 2. «Держал 7
Глава 3. «Лента 14
Глава 4."Только не уходи". 17
Глава 5. «Страх 19
Глава 6."Один вдох на двоих". 21
Глава 7. «Два 23
Глава 8. «Что 25
Глава 9."Пара против тьмы". 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ирина Ба
Между нами - не только выживание. (1 часть)

Глава 1. "Он спасал меня - а я влюбилась".

Это было 8 лет назад, когда мне было 12 лет. Произошло страшное событие: наступил конец спокойной жизни на Земле. Люди стали умирать от монстров, откуда они появились, непонятно. Чудовища начали убивать людей по ночам.

В первую судную ночь монстры убили моих родителей. Я помню крик матери и отца, когда монстр убил их, и они лежали на полу, истекая кровью. В этот день у меня ночевал мой лучший друг. Я познакомилась с ним в садике. Он сидел один в песочнице. Я первая к нему подошла.

—Привет, как тебя зовут? Почему ты один тут сидишь?

Мальчик посмотрел на девочку: она была одета в красную юбку и белую футболку.

—Привет. Тебе зачем? Иди к ним, с ними весело. - Мальчик указал рукой на группу детей.

—Я не хочу к ним. Я хочу с тобой. Как тебя зовут?

—Виктор, а тебя?

-—Меня зовут Селена. Давай с тобой дружить? - Протягивая ему руку.

—Необычное имя. Давай дружить. – Он улыбнулся, протянул руку и пожал её.

В тот момент мы стали лучшими друзьями. Вместе пошли в школу и ходили, друг к другу в гости.

Когда монстр стал подходить, я не смогла пошевелиться. Я застыла от шока и страха. Виктор схватил меня за руку, повёл в комнату и закрыл дверь. Он мне там что-то говорил, но я не помню, что именно. Через 2 минуты он стал тормошить меня и кричать.

-—Селена! Селена! Приди в себя! Нам надо бежать, пока это чудовище не вышибло нашу дверь! – Он схватил меня за плечи и смотрел мне в лицо.

-—Что нам делать? - Тихо прошептала я, еле-еле приходя в себя от шока.

-—Смотри, сейчас мы выйдем через окно. А потом убежим в лес.

-—Хорошо, хорошо.

В тот самый день моя жизнь стала совсем другой. Я никогда не забуду, как мои родители умерли, их взгляд и этого монстра, который убивал. Помню ещё, как меня успокаивал Виктор. Он говорил мне, что будет меня защищать и станет для меня лучшей опорой.

За 8 лет мы стали взрослыми. Вместе ездим в разные места. Людей нет, все прячутся. Монстры охотятся ночью, но они могут убивать ещё и днём.

Главные правила выживания:

1. Ночью мы должны прятаться.
2. Ночью не издавать звуков и не включать свет.
3. Никто не должен знать, что мы здесь. Люди стали слишком жестокими. Они могут убить тебя за кусок хлеба.
4. Не доверять незнакомцам.
5. Прятать машину.
6. Проверять заброшку вдвоём.
7. Оружие всегда должно быть наготове.

8. Всегда носи с собой нож.

9. Запас еды и бензина считать и отмечать в блокноте.

10. В 17:00 мы должны быть в здании, не позже. Монстры начинают выходить после 19 или 20, когда небо темнеет.

Виктору сейчас уже 20 лет, а мне ещё 19. Через 2 месяца будет день рождения. Виктор стал мужественным за все эти годы. Он стал очень ответственным и высоким.

Помню, был у нас такой момент. Когда мне исполнилось 13 лет, мы тогда жили в заброшенном доме. Мы обустроили этот дом: окна позаколачивали, а дверь сделали покрепче. Сделали в подвале комнату, где у нас были кровати и ванная. Это было самое надёжное место тогда. Для нас главным было, чтобы люди не подумали, что кто-то тут живёт.

Утром я пошла в ванную, и когда начала мыться, потом встала и почувствовала что-то ниже пояса. Посмотрела вниз и увидела кровь. Много крови. Я тогда закричала и упала. У меня тогда была сильная паника. Меня услышал Виктор. Помню, он прибежал и стал меня звать, кричать, спрашивать, что случилось. Ведь он услышал крик и рыдания. Я не отвечала, я тогда просто рыдала. Я тогда не знала, что такое месячные. Виктор потом вышибал дверь. Я была тогда голая и в крови. Помню, Виктор меня успокаивал. Он говорил, что это нормально, что у меня просто месячные. Он рассказал, что это такое. Мне, конечно, было очень стыдно, что он видел меня в таком виде.

Потом я спрашивала, откуда он об этом знает. Ведь это считается женским секретом.

Он рассказал, что узнал это от старшей двоюродной сестры. Тогда у неё начались месячные. Виктору тогда было 10 лет.

Я думала, после этого момента ему станет отвратительно от меня, но он казал, что ему не отвратительно. Он, наоборот, меня поддержал и помогал. Тогда он снова меня поддержал.

Когда мне исполнилось 17 лет, я начала чувствовать к Виктору необычные чувства. Наша дружба стала для меня какой-то давкой. Когда я смотрела на него, я часто думала о его острых чертах, о его сильных руках. Я старалась не думать о нём. Хотела сохранить нашу долгую дружбу, но с каждым днём становилось всё труднее. Мне стали постепенно сниться сны о нём. Мне стыдно даже вспоминать эти сны. Я часто вспоминала его взгляд, и от этого мне становилось очень жарко. Я краснела от того, что он меня обнимал, когда мне было страшно. Я видела, когда ему страшно, но он держал всё в своих руках. Ночь для нас всегда была страшной. Монстры всегда выходят ночью. Они всегда воют, кричат и так далее. Из подвала всегда слышны звуки, хотя мы находились в надёжном месте.

Бывали такие моменты, что спали мы вместе в одной кровати, при этом обнимая друг друга. Сейчас я понимаю, что это уже не дружеское отношение. В связи с тем, что интернета нет, мы читаем книги. Хорошо, что мы сделали электричество с помощью генератора. Он заряжался от солнечной батареи. А также мы понаходили фонари, которые подзаряжаются от солнца. Ночью мы их включаем. Мы сделали телевизор. Он хотя бы мог скрасить скучающую обстановку. Помню, одни из дней мы понаходили старые кассеты. Их было десять штук.

На первой кассете был мультик «Карлик нос».

На второй был фильм про войну.

На третьей и четвертой были фильмы про романтику.

На пятой и шестой – документальные фильмы про животных и природу.

На седьмой и восьмой были фильмы про супергероев: «Человек – паук» и «Женщина – кошка».

Когда мы начали включать девятую кассету без названия, в начале, на 15 – й секунде, ничего не показывало. Я уже сказала Виктору, что эта кассета испорчена, но потом, на 20 – й секунде, там появилось изображение.

Глава 2. «Держал её за руку, чтобы уберечь. Теперь держу, потому что без этой руки я не выдержу».

Когда я впервые увидел её, я не знал, как на неё смотреть.

Я начал с ней дружить ещё с детского сада. В школе к ней многие клеились. Мне это не нравилось. Помню одного парня. Он был новеньким. Его звали Вадим. Он был очень высокомерным и при этом мутил со всеми девчонками подряд. Не понимаю девчонок: что они в нём нашли? При этом у него были грязные мысли. Помню, проходил мимо туалета и услышал разговор Вадима с его другом, Мишей, вроде бы.

— Ты видел эту девчонку? Такая она миленькая, невысокая и худенькая. Хочется, чтобы она ласкала меня своими ручками, - Вадим.

— Ты про эту? Селена? - Миша.

— А про кого ещё? Она самая милая. При этом её взгляд... Я просто не могу представить её без юбки и рубашки, - Вадим.

— Ты что, её видел голой? - Миша спросил.

— Ну, как тебе сказать. Я когда проходил мимо девчачьей раздевалки, дверца у них была не закрыта. Я приоткрыл дверь и увидел её в одних трусиках и бюстгальтере, которые она снимала. Жаль, что не досмотрел, - говорил Вадим, при этом улыбаясь.

— А что так? - Миша спросил.

— Да, девчонки подходили в мою сторону. Пришлось убежать. Прямо слово, - Вадим.

То, что они говорили, меня злило и раздражало. Я быстрым шагом пошёл к Селене. Она была тогда в столовой. Я позвал её и рассказал без свидетелей. Я ей не всё рассказал, но сказал, что этот Вадим смотрит на неё не просто. Я не рассказал ей о том, что он поглядывал за ней, сказал, что он просто хочет поиграть с её чувствами.

Селена потом просто пыталась избегать Вадима, но он преграждал ей дорогу. Пришлось мне вмешаться.

— Селена, привет. Как дела? - спросил Вадим.

— Привет, что тебе надо от меня? – спросила, Селена, при этом пытаясь избегать его.

— А что так неприветливо? Нельзя спросить у одноклассницы своей, как дела? – спросил Вадим, при этом, улыбаясь, он преграждал ей путь.

— Я тебе уже сказала? Отстань от меня! Я не хочу с тобой дружить, – сказала Селена.

— Ну, я же предлагал тебе не дружить со мной, а встречаться, – сказал Вадим.

Виктор проходил мимо и увидел, как Вадим загородил дорогу Селене, приставая к ней. Я ещё не забыл, что Вадиму тогда было 13 или 14 лет. Так случилось, что он оставался на второй год. Селене было 12 лет, а мне скоро должно было исполниться 13.

—Эй, ты глухой или тупой! Тебе сказали: «Отстань», значит, отстань! - сказал Виктор, при этом подходя к ним.

— О, какие люди из Голливуда! Так, а ну свали отсюда, не твоё дело, - сказал Вадим.

— Это ты сваливай отсюда. Я знаю, какие у тебя мысли. Так что сваливай! - сказал Виктор, при этом встал перед Селеной, как защитная стена.

— А ты что такой борзый?! - просил Вадим, при этом уже злясь на него.

Селена стояла за Виктором, при этом очень сильно волновалась за друга. Она держалась за Виктора плечо, боялась, что они подерутся.

— Мальчики, прекратите. Давайте по-мирному разберёмся, - сказала Селена.

Мы быстро разошлись из-за школьного звонка. После уроков я подрался с Вадимом. Вначале Селене не рассказывал, что я с ним подрался. Но когда я пришёл на следующий день в школу с фингалом, Селена мне много высказывала о том, что нельзя драться и что она волнуется за меня. Родители мне тогда не ругали меня сильно, но наказали меня тем, что я на две недели должен помогать отцу, копать в огороде и убираться в сарае, а также ограничение с игры в компьютере. Селена ко мне приходила и помогала мне по мелочам. С уроками, уборкой.

Тот день все называли Судным. Он врезался в память не грохотом и не криками, а странной, звенящей тишиной, которая повисла в воздухе задолго до первых тревожных новостей. А я в ту ночь ночевал у Селены. Родители уехали в другой город по работе, и, чтобы я не пропускал школу, меня оставили у Селены.

Крик матери Селены ворвался в тишину, будто разбитое стекло. За ним тут же отозвался голос отца — резкий, чужой, полный ужаса. Я метнулся к ним, не думая, не чувствуя собственных ног.

В коридоре мелькнуло что-то неестественно высокое, угловатое, с длинными, будто вывихнутыми конечностями. Чудище навалилось на них, и мир сузился до этого кошмара. Селена стояла посреди хаоса, будто пригвождённая к полу. Её глаза были распахнуты, но в них не было ни слёз, ни понимания — только ледяной шок, сковавший каждую мышцу.

Я схватил её за руку, дёрнул к себе и втащил в комнату. Дверь захлопнулась с глухим стуком, щёлкнул замок — этот звук прозвучал как последний барьер между нами и тем, что осталось снаружи.

Селена не издала ни звука. Она не сопротивлялась, не плакала — просто поджимала губы, а пальцы её до побеления сжимались в кулаки, будто она пыталась удержать себя внутри собственного тела.

— Селена! — я кричал ей прямо в лицо, тряс за плечи, искал хоть искру осознания в её глазах. - Селена, очнись! Нам надо уходить!

Но она смотрела сквозь меня, туда, где только что рухнул её привычный мир.

За эти годы мы научились выживать не по книгам, а на собственной шкуре. Каждый день был уроком, и мы вызубрили их наизусть. Мы придумали правила, без которых в этом новом мире нельзя было и шагу ступить: не шуметь после заката, не оставлять следов, проверять каждый угол, прежде чем войти. И мы построили свой дом — не просто стены, а настоящее убежище, где можно было хотя бы на пару часов поверить, что снаружи не рыщут тени.

Я старался сделать всё возможное, чтобы её защитить. Каждый раз, когда я закрывал дверь на засов, я давал себе одно и то же обещание: пусть этот барьер выдержит.

Она стала для меня опорой — не той, что громко говорит и раздаёт советы, а тихой, надёжной, как земля под ногами. Без неё этот разрушенный мир рассыпался бы в пыль. Я не мог представить его без её голоса, без того, как она молча кивает, когда мне нужно просто знать, что я не один.

Я поклялся самому себе, что ни одна слезинка не упадёт с её красивых зелёных глаз. Пусть я буду тем, кто примет удар, кто встанет между ней и любой бедой.

Я знал: для неё я — единственная защита и единственный друг. И этого было достаточно, чтобы вставать каждое утро и идти вперёд.

Но иногда, когда она засыпала, прижавшись к стене, чтобы оставить мне больше места, или когда на секунду её взгляд задерживался на мне чуть дольше обычного, во мне просыпалось другое желание. Я мечтал, чтобы однажды она посмотрела на меня не как на друга, прикрывающего спину, а как на того, кто может стать её парой по жизни. Не из жалости и не из благодарности, а потому что сама этого хочет. И я берег эту мечту, как огонёк в ладонях, чтобы она не погасла в ледяном ветре нашего мира.

До сих пор вспоминаю тот момент — он врезался в память не только мне, он стал шрамом и для неё. Ту самую Судную ночь, когда мы сбежали в лес.

Крики людей врезались в уши, будто осколки стекла. Где-то совсем близко гремели выстрелы, эхо металось между домами, и каждый звук казался прицельным, будто стреляли прямо в нас.

В голове не было ни планов, ни красивых мыслей — только одна, упрямая, как инстинкт: бежать. Прятаться. Найти место, где нас никто не услышит и не найдёт.

Мы мчались, не разбирая дороги, хватая друг друга за рукава, чтобы не потеряться в этой панике. Деревья впереди чернели, как спасительная стена. И когда мы, наконец, ворвались в лес, я на секунду замер, прислушиваясь к тишине. Она была странной, почти неестественной после городского грохота, но я цеплялся за неё, как за обещание: «Мы живы. Пока мы живы».

Слава богу, в лесу не было монстров. Все эти чудовища остались там, в городе, где кипела жизнь, и толпились люди. Лес будто сам отталкивал их своей пустотой и тишиной.

И ещё одно я помню отчётливо: мы были не единственными, кто додумался бежать сюда. В темноте мелькали тени, слышались шёпот и осторожные шаги. Чужие люди, такие же напуганные, искали спасения среди деревьев. Мы не звали их, не спрашивали имён — в ту ночь безопасность была в молчании. Но само знание, что мы не одни, что кто-то ещё борется за свой следующий вдох, странным образом держало нас на ногах.

До сих пор вспоминать об этом — всё равно, что снова сжимать в груди осколок льда. Очень больно.

Те ночи, когда мы с Селеной ночевали в разных местах — в заброшках, где ветер гулял по пустым комнатам, а каждый скрип старой балки заставлял вздрагивать, — они не стираются из памяти. Мы по очереди спали, чтобы всегда быть начеку: один дремлет, другой всматривается в темноту, прислушивается к каждому шороху. Это было не про отдых — это было про выживание.

Селена никак не могла нормально уснуть. По ночам из её глаз тихо катились слёзы. И это был не страх перед монстрами, не дрожь от холода. Это была боль, которая сидела глубже. Она шептала мне, что не может уснуть, потому что перед глазами снова и снова встаёт тот момент: как погибли её родители, как всё случилось прямо у неё на глазах. А она ничего не смогла сделать. Ни крикнуть, ни броситься, ни заслонить. Она застыла, будто мир на секунду выключил её волю. И вот это бездействие жгло её изнутри сильнее любого ужаса. Ей было невыносимо стыдно за свой ступор, будто сама эта неподвижность была предательством.

Сколько раз я повторял ей одно и то же, глядя прямо в эти полные вины зелёные глаза:

— Ты не виновата. Слышишь? Совсем не виновата, — говорил я, чуть крепче сжимая её пальцы, чтобы она почувствовала, что я здесь, рядом, и не отпущу.

Она только качала головой, пряча лицо в колени, и шептала, едва слышно, будто боялась, что слова станут правдой, если произнести их громко:

— Я должна была что-то сделать. Хоть шаг. Хоть крик. А я просто стояла. Как чужая.

Я наклонился ближе, чтобы голос звучал не как приказ, а как обещание:

— В такие секунды тело не слушается. Это не слабость, Селена. Это шок. Ты не предала их тем, что осталась жива. Наоборот. Они бы хотели, чтобы ты жила. Чтобы ты дышала. Чтобы ты просто была.

— Но они смотрели на меня, — прошептала она, и голос дрогнул, рассыпавшись на мелкие осколки. — Папа будто хотел что-то сказать… и не успел.

Я пододвинулся, обнял её за плечи — не слишком крепко, чтобы не напугать, но так, чтобы тепло моего тела стало для неё якорем:

— Они смотрели на тебя не с упрёком. Они смотрели на тебя с любовью. До самого конца. И если бы они могли сейчас говорить, они бы сказали: «Беги. Живи. Не вини себя».

Иногда она кивала, будто пыталась поверить, но слёзы всё равно не останавливались. Тогда я не пытался их остановить. Просто сидел рядом, держал её руку, пока пальцы не теп-

лели, и снова шептал эти слова — как заклинание, как щит, которым пытался прикрыть её от этой внутренней бури.

— Расскажи мне что-нибудь хорошее, — вдруг тихо попросила она, когда тишина стала слишком тяжёлой. — Что-нибудь, где нет ни монстров, ни криков.

И я вспоминал. Всё подряд: как мы в детстве спорили из-за последней конфеты, как она смеялась, когда я пытался научить её кататься на скейте и сам падал первым, как пахла её комната — ванилью и яблоками. Рассказывал, пока её дыхание не становилось ровнее, пока плечи не опускались, и она, наконец, не проваливалась в короткий, беспокойный сон.

А я оставался на страже, всматриваясь в темноту заброшки, и думал: пусть хоть во сне она будет там, где её родители улыбаются ей, а не исчезают в тени.

Днём мы тоже не отдыхали — покой стал роскошью, которую мы себе позволить не могли. Существовало правило, которое мы выжгли в памяти: нельзя расслабляться ни на минуту. Да, чудовища чаще выходили по ночам, когда тьма прятала их силуэты, но это не значило, что день был безопасным.

Они могли напасть и средь бела дня — внезапно, из-за угла, из провала окна заброшки, куда солнечный свет почти не добирался.

Монстры были разными, но у всех была одна общая черта — они несли с собой холод, от которого стыла кровь. Все тёмные, будто сотканные из самой тени, с длинными, неестественно изогнутыми лапами, которые царапали асфальт и стены, оставляя глубокие борозды. Одни двигались с пугающей тишиной — казалось, они глухи, не слышат ни шагов, ни дыхания, зато чувствуют вибрацию земли под подошвами. Другие, наоборот, смотрели. Прямо в тебя. Их взгляд прожигал, как ледяной луч, и в эти секунды казалось, что ты уже не человек, а просто мишень.

Мы научились замечать их по деталям, которые раньше не имели значения. По тому, как странно ложится тень, будто она слишком густая для солнца. По тишине, которая наступала внезапно, когда даже птицы замолкали. По запаху — металлическому, сырому, как будто рядом прорвало трубу, но вода была чужой, не нашей.

— Стой, — шептал я, хватая Селену за рукав, когда мы пересекали пустырь, залитый дневным светом, который почему-то казался ненастоящим, нарисованным. — Смотри на траву.

Она замирала, вглядывалась туда, куда я кивал. Там, где травинки лежали не так, будто кто-то прошёл по ним, не касаясь, а пригибая своим присутствием.

— Я ничего не вижу, — её голос дрожал, но она старалась говорить тихо, почти беззвучно.

— И не надо видеть. Надо чувствовать. Если тишина становится тяжёлой — значит, оно рядом.

Мы двигались короткими перебежками, от стены к стене, от тени к тени. Днём прятаться было сложнее: солнце высвечивало каждый промах, каждый неверный шаг. Но именно днём у нас был шанс разглядеть слабые места в их повадках.

Мы замечали, что некоторые из них не выносили прямого света — их кожа будто дымилась, они отступали, втягивали длинные лапы, словно свет резал их. Другие, те, что видели, наоборот, не боялись солнца, но теряли скорость на открытых пространствах — им нужны были углы, тупики, чтобы загонять жертву.

Селена запоминала всё. Молча, стискивая кулаки, она фиксировала каждую мелочь: как один монстр дёргает головой на резкий звук, как другой замирает, если не видит движения. Она не хотела этого знать, но эти знания спасали нам жизнь.

— Если увидишь, что он смотрит, — говорил я ей перед тем, как мы снова выходили из укрытия, — не беги. Не смотри в ответ. Замри. Притворись частью стены, частью тени. Ты умеешь быть тихой. Ты самая тихая из всех, кого я знаю.

И она кивала. Без улыбки, без слов. Просто сжимала лямку рюкзака чуть крепче и делала шаг вперёд, туда, где день не обещал безопасности, но давал хоть крошечный шанс.

Но не только монстры стали нашей опасностью. В этом новом мире страшнее оказывались люди — потому что они умели прятать зло за самыми обычными словами.

Помню, как мы наткнулись на ту женщину. Мы шли вдоль старых гаражей, старались держаться в тени, не шуметь. И вдруг она появилась — будто из ниоткуда, у полуразрушенного киоска. Стояла, прижимала к себе рюкзак, смотрела так… по-человечески. В ней было что-то из прежней жизни: старое пальто, вязаная кофта, даже манера чуть наклонять голову, будто хотела разглядеть тебя получше. От этого «обычного» в груди у меня на секунду потеплело.

— Эй, вы в порядке? — спросила она тихо, почти ласково.

Мне хотелось поверить, что это просто уставшая женщина, которой нужна помощь. Хотелось хоть раз встретить кого-то, кто не будет на тебя охотиться. Я уже шагнул вперёд, прикрывая собой Селену, но не враждебно — а будто хотел показать: мы не опасны, мы просто идём мимо.

— Да… вроде, — ответил я. — Вы тут одна?

Она кивнула, опустила глаза, будто стеснялась.

— Одна. Ищу, где пересидеть до темноты. Тут раньше магазин был,… думала, может, доски остались, чтобы окна заколотить.

Я уже почти согласился ей помочь. Почти предложил пойти с нами. И тут Селена вцепилась мне в рукав. Не сильно, но так, что я сразу понял: стоп. Я обернулся. Её лицо было бледным, глаза тёмными, напряжёнными. Она не смотрела на женщину — она смотрела сквозь неё, будто видела то, что скрыто.

— Нет, — прошептала она. — Не надо.

— Что? — я перевёл взгляд с неё на незнакомку и обратно.

— С ней что-то не так, — сказала Селена, и голос у неё был твёрдый, без паники — просто констатация факта, как если бы она заметила трещину в асфальте.

Женщина чуть приподняла брови, улыбнулась — ровно, аккуратно, будто по учебнику.

— Девочка, ты чего? Я не обижу. Просто устала. Может, поможете старухе?

«Старухе», хотя ей было лет тридцать. И от этого слова по спине пробежал холод.

И тут я заметил тень у стены. Потом ещё одну. Не случайную. Кто-то ждал. Кто-то слушал. План был простой и холодный: сначала разговорить, заставить довериться, потом использовать. Узнать наши тропы, наши укромные места. А когда мы станем бесполезны — убрать и забрать всё, что у нас есть. Даже эти жалкие крохи: фонарик, банку тушёнки, куртки, которые грели нас по ночам. Для них это была добыча. Для неё — расчёт. Никакой заразы, никакого безумия — просто жестокая, трезвая выгода.

— Прости, — я потянул Селену назад, шаг за шагом, не сводя глаз с женщины. — Нам надо идти.

— Да ладно, не бойтесь, — она чуть наклонила голову, и в этом жесте было что-то хищное, птичье. — Я же не монстр какой-нибудь.

Но именно это и пугало больше всего: она не была монстром. Она была человеком, который знал, как притворяться нормальным.

Мы попятились, пока не упёрлись в стену, а потом побежали — быстро, бесшумно, по нашим проверенным тропам, туда, где чужие глаза не достанут.

Только в нашем укрытии, прижавшись, друг к другу, Селена, наконец, выдохнула. Плечи её опустились.

— Ты была права, — прошептал я. — Прости, что чуть не поверил.

Она не стала говорить «я же говорила». Просто кивнула и тихо сказала:

— Людям нельзя доверять. Не потому что они все плохие. А потому что в этом мире доброта — это ловушка, которую ставят те, кому от тебя что-то нужно.

Я тогда крепко сжал её руку и пообещал себе никому больше не доверять. Больше никаких шансов незнакомцам. Пусть лучше мы будем вдвоём против всего мира, чем однажды повернёмся спиной не тому человеку.

Эмоции тогда просто рвались наружу — и у меня, и у Селены. Не было ни криков, ни радостных прыжков, потому что в этом мире слишком громко радоваться было почти преступлением. Но я видел, как у неё на секунду дрогнули уголки губ, как она сжала кулаки не от страха, а от облегчения, и в глазах мелькнуло что-то, чего я не видел уже много дней, — тихая, осторожная надежда. Мы нашли дом. Настоящий, не руины, не коробку из обломков, а дом, спрятанный в лесу, будто сам лес его укрывал ветвями и тенью.

Мы сразу пошли осматривать всё — не как туристы, а как люди, для которых каждая дверь могла стать либо спасением, либо ловушкой. Дом стоял тихо, будто затаился. Окна были заколочены, доски держались крепко, будто кто-то специально готовил это место, чтобы его не трогали. Но главное было не наверху. Главное было внизу.

Подвал. Большой, просторный, с толстыми стенами и той самой железной дверью, которую не сорвать с петель обычным рывком. А ещё там был запасной выход — не парадный, не заметный с улицы. Узкий лаз, который вёл к заросшей яме, а оттуда — в чащу. Если дом начнут штурмовать, если монстры начнут ломать доски и скрестись по стенам, у нас будет путь назад, в лес, туда, где мы знаем каждую тропу.

— Здесь, — сказала Селена, стоя посреди подвала и оглядываясь так, будто пыталась запомнить каждую деталь. — Мы будем ночевать здесь.

Я кивнул. Не потому что это был идеальный вариант, а потому что это был наш вариант. Безопасный. Продуманный.

Мы обустроили уголок в дальнем углу, подальше от лестницы, но так, чтобы видеть вход. Постелили то, что смогли собрать: старые одеяла, которые пахли пылью и временем, но были целыми; накидали сверху куски пенопласта, чтобы не мёрзнуть от бетонного пола. Рядом поставили рюкзак с самым нужным: нож, фонарик, спички, банку тушёнки — на крайний случай. И ещё одну вещь, которую мы теперь всегда держали под рукой, — кусок арматуры, тяжёлый и надёжный. Не для нападения, а для того, чтобы выиграть несколько секунд, если дверь не выдержит.

Спать наверху мы даже не думали. Слишком свеж был тот опыт в заброшке, когда монстры методично исследовали каждый этаж, вскрывали комнаты, как консервные банки, ломали двери и швыряли мебель, будто она была из картона. Мы знали: если они придут сюда, пусть сначала пройдут через дом, пусть грохочут наверху, пусть ломают то, что не жалко. Пусть убедятся, что там пусто. А мы будем внизу, за железной дверью, в тишине, которую можно было почти потрогать.

Плюс в подвале были ванная и туалет — не роскошь, а настоящее спасение. В мире, где каждая вылазка за водой была риском, возможность умыться, налить ведро, просто посидеть в тишине без сквозняков, была почти чудом.

Селена села на наши одеяла, подтянула колени к груди и впервые за долгое время выдохнула так глубоко, что плечи опустились.

— Тут тихо, — прошептала она, прислушиваясь к звукам дома. — Тут… безопасно.

Я сел рядом, прислонился спиной к стене и тоже прислушался. Сверху доносился только ветер, который гулял по пустым комнатам, да где-то скрипнула половица — но это был обычный, человеческий скрип, а не скрежет когтей.

— Да, — ответил я. — Тут безопасно. Пока мы здесь, пока дверь закрыта, пока у нас есть этот лаз в лес — тут безопасно.

Она кивнула, закрыла глаза на секунду, будто хотела запомнить это чувство, и тихо добавила:

— Пусть они думают, что дом пустой. Пусть проходят мимо.

И я знал, что она говорит не только про монстров. Про людей тоже. Про ту женщину у киоска, про тени в руинах, про всех, кто ищет добычу. Пусть думают, что тут никого нет. Пусть идут дальше. А мы посидим в тишине, в нашем маленьком укрытии, и просто будем дышать.

Всё изменилось, когда у нас появился дом. Мы таскали туда каждую полезную вещь - доски, мебель, кастрюли, и, конечно, телевизор. И вот что самое важное: он был цел. Не треснутый, не разбитый, будто кто-то специально сохранил его для нас. Экран помутнел от времени, но стекло не пошло паутиной, кнопки на панели всё ещё нажимались с тихим, знакомым щелчком.

А потом мы нашли генератор. Тяжёлый, ржавый, но целый. И главное — он работал на солнечной батарее. Панель была поцарапанной, местами потемневшей, но ещё живой: днём она тихо гудела, собирая свет, а ночью отдавала его нам крохотными порциями.

— Смотри, — я провёл рукой по матовой поверхности панели, стёр пыль, и под ней проступила тусклая сетка ячеек. — Она ловит солнце. Нам не нужно топливо. Только день.

Селена присела рядом, осторожно коснулась края, будто боялась, что всё рассыплется от прикосновения, потом перевела взгляд на телевизор и тихо спросила:

— А если подключить? Хоть на пять минут… Просто чтобы увидеть картинку.

Я кивнул, сдерживая улыбку, чтобы не выдать, как сильно сам этого хочу.

— Давай попробуем. Аккуратно. Экономно.

Мы протянули тонкий провод от генератора к телевизору, соединили, проверили контакты. Я посмотрел на Селену — она замерла, будто боялась даже дышать.

— На счёт три, — сказал я. — Раз… два…И нажал кнопку.

Экран вспыхнул серым, задрожал, будто вспоминал, как быть экраном, а потом — медленно, неохотно — на нём проступила рябь, из которой постепенно прорезались контуры. Не фильм, не сериал, даже не чёткое изображение. Просто свет, движение, жизнь.

Селена выдохнула, прижала ладонь к груди и рассмеялась — тихо, удивлённо, почти не веря: — Он работает. Он правда работает!

Картинка тут же поплыла, экран мигнул и погас — заряда хватило на считанные секунды. Но этого хватило. Хватило, чтобы на миг забыть про монстров, про опасность, про то, что мир стал чужим. На эти несколько мгновений мы снова были просто людьми, которые смотрят телевизор вечером.

— Мы ещё наладим, — пообещал я, поглаживая холодный корпус. — Сделаем так, чтобы он работал дольше.

Селена кивнула, не отрывая взгляда от тёмного экрана, будто всё ещё видела там картинку, и тихо сказала: — Теперь это точно наш дом.

Позже мы нашли кассеты. Они были не такими старыми. Мы стали проверять, как они работают. Их было десять.

На первой кассете был мультфильм «Карлик Нос».

На второй — фильм про войну.

На третьей и четвёртой — фильмы про романтику.

На пятой и шестой — документальные фильмы про животных и природу.

На седьмой и восьмой — фильмы про супергероев: «Человекпаук» и «Женщинакошка».

Когда мы начали включать девятую кассету без названия, в начале, на 15й секунде, ничего не показывало. Я попытался перезапустить её с помощью кнопки. Селена сказала мне, что кассета испорчена. Но через несколько секунд появилось изображение.

Глава 3. «Лента шла, а мы прятали глаза».

На 20й секунде включилось изображение. Селена сидела на диванчике, сжавшись в маленький, напряжённый комок, будто надеялась, что если втянет голову в плечи и станет совсем незаметной, то происходящее на экране её не коснётся. Виктор замер у кнопок телевизора — рука так и повисла над переключателем, пальцы побелели от того, как сильно он вцепился в ребристый пластик.

А ведь кассеты они нашли всего пару дней назад, когда рискнули пробраться в заброшку на окраине мёртвого района. Дом стоял, будто застывший в крике: перекошенные рамы, осыпавшаяся штукатурка, пол, усыпанный осколками стекла и забытыми вещами. В шкафу, среди старых журналов и пыльных коробок, они наткнулись на стопку кассет — и тогда это показалось маленьким чудом. Ещё одним кусочком прошлого, который можно было вытащить из руин и на мгновение вернуть себе хоть каплю нормальной жизни. «Может, там мультики, — сказал тогда Виктор, пряча улыбку, чтобы не выдать, как ему хочется хоть на час забыть про скрежет за стенами. — Или старые комедии. Хоть что-то, где никто ни на кого не рычит».

Теперь эта находка казалась злой насмешкой.

На кассете был не мультик, а фильм. Даже не просто фильм, а для взрослых. Слияние двух тел. Девушка сидела на парне и скакала над ним, при этом стонала. Даже кричала. А парень её придерживал за талию.

Селена пыталась смотреть на что угодно, но не на изображение: на облупившуюся краску на плинтусе, на пылинку, медленно плывущую в луче тусклого света, на собственные пальцы, которые судорожно комкали край свитера. Но она уже увидела немало — и эти кадры будто прилипли к внутренней стороне век, такие яркие и неуместные в их затхлом подвале, что хотелось зажмуриться до цветных вспышек и не открывать глаза, пока всё не исчезнет.

«Пожалуйста, пусть это будет чья-то глупая шутка, — металась в голове Селены паническая мысль. — Пусть это просто какой-то странный артхаус, который через секунду сменится на мультик про кота. Пусть…»

Но кадры не сменялись. Стоны были слишком реальными, слишком громкими, они заполняли комнату, вытесняя привычный скрежет за стенами, и от этого становилось ещё страшнее — будто сама реальность дала трещину, и теперь в неё просачивалось что-то совершенно чужое, взрослое, невыносимо стыдное. А за стенами по-прежнему ходили монстры. Мир давно рухнул, улицы опустели, и то, что раньше казалось обычным бытом — мультики, радио, спокойная ночь, — теперь стало роскошью, о которой даже думать было больно. Радио здесь не ловило уже много недель: после первых дней хаоса эфир захлебнулся в помехах, а потом и вовсе стих, будто сама планета перестала разговаривать с теми, кто остался.

Виктор пытался это переключить, но, как назло, телевизор не выключался. Кнопка будто заклинила, пластик упирался, не хотел поддаваться, и эта упрямая бытовая мелочь только подливала масла в огонь. Он дёргал её снова и снова, коротко, резко, как будто мог силой заставить механизм послушаться, и каждый бесполезный щелчок отзывался внутри него новой волной жгучего, почти физического стыда.

«Если я не выключу это прямо сейчас, — думал Виктор, чувствуя, как по спине ползёт липкий холодок, — она решит, что я нарочно. Что я вообще ничего не понимаю, как надо себя вести рядом с ней. Что для меня это нормально. А это не нормально. Это ужасно. Я просто хотел её отвлечь, сделать вечер чуть светлее, вернуть хоть кусочек той жизни, где не надо прислушиваться к шагам за стеной и гадать, сколько ещё выдержит дверь. А вместо этого… вместо этого я заставил её краснеть и прятать глаза».

Его щёки пылали так, что, казалось, от них можно было бы зажечь спичку. В висках стучало, и этот стук был громче стонов с экрана. Виктор не решался даже скосить глаза на Селену, потому что боялся увидеть в её взгляде что угодно: насмешку, презрение, разочарование. Ему хотелось одновременно провалиться сквозь бетонный пол и закричать: «Это не я выбирал! Я думал, там Король Лев!» — но крик застревал где-то в горле, превращаясь в сухое, неловкое покашливание.

Селена же чувствовала, как жар ползёт от щёк вниз, по шее, под свитер, обжигая кожу. Ей казалось, что она сейчас просто рассыплется на тысячу горячих, стыдных искр. В этом стыде было что-то оглушающее — он делал мир слишком ярким, слишком громким, слишком настоящим, и хотелось просто исчезнуть.

Она краем глаза видела, как дёргается рука Виктора, как он безуспешно воюет с кнопкой, и от этой его отчаянной, неуклюжей попытки всё исправить ей вдруг стало чуть легче. Он не смеялся. Он не смотрел на экран с интересом. Он так же сгорал от стыда, как и она. И от этого они вдруг оказались не по разные стороны неловкости, а по одну — в одной и той же пылающей комнате, где единственным спасением было не смотреть друг на друга.

Наконец, когда Виктор в очередной раз дёрнул кнопку, что-то внутри телевизора щёлкнуло, и экран погас, погрузив комнату в благословенную темноту. Но тишина, наступившая следом, была не облегчением — она была звенящей, густой, полной невысказанных слов и общего, только что пережитого унижения. Где-то снаружи снова что-то тяжело ударило по стене, будто проверяя, насколько крепка преграда, и этот звук, привычный и жуткий, вдруг показался почти родным — потому что он означал, что мир не рухнул окончательно, он просто стал другим. И в этом новом, сломанном мире им предстояло как-то учиться жить дальше.

Несколько секунд они сидели, не шевелясь, прислушиваясь к собственному дыханию, которое никак не хотело становиться ровным. Селена всё ещё сжимала в пальцах ткань свитера, а Виктор так и застыл с поднятой рукой, будто боялся, что если опустит её, то весь этот кошмар вернётся.

— Прости, — хрипло пробормотал он, глядя куда-то в сторону, в темноту у стены, лишь бы не встретиться с ней глазами. — Я правда думал, что там мультик. Клянусь.

— Я знаю, — тихо ответила Селена, и собственный голос показался ей чужим, слишком тихим и слишком взрослым для этой ситуации. Она наконец расправила пальцы, отпуская скомканную ткань. — Это… это просто кассета. Чужая. Кто-то перепутал. Или просто… не успел её спрятать, пока мир не развалился.

Они помолчали. Тишина больше не звенела, она стала мягкой, осевшей, как пыль после сильного ветра. И вдруг Селена тихонько хихикнула. Совсем негромко, почти беззвучно — просто плечи дрогнули, а из горла вырвался короткий, нервный смешок, который она тут же попыталась удержать, зажав рот ладонью.

Виктор скосил на неё глаза — сначала испуганно, будто подумал, что она вот-вот расплачется, а потом понял: это не слёзы. Это смех. И не злой, не насмешливый, а тот самый, что рождается там, где стыд сталкивается с абсурдом и проигрывает.

И тогда он тоже не выдержал. Уголок его рта дёрнулся, потом второй, и вот уже он прячет улыбку в кулаке, чтобы не рассмеяться в голос — а то вдруг снаружи подумают, что тут что-то не так, и подойдут поближе проверить.

— Что смешного? — прошептал он, но в голосе уже не было напряжения, только облегчение, тёплое и немного шальное.

— Всё, — выдохнула Селена, всё ещё прикрывая рот, будто боялась, что смех станет слишком громким и выдаст их. — Просто… мы сидим в подвале, вокруг монстры, мир рухнул, а я краснею из-за кассеты, которую кто-то забыл убрать. Это… это до нелепости глупо.

— Это до нелепости стыдно, — поправил Виктор, и теперь уже хихикнул вслух, коротко и облегчённо. — Я думал, у меня сердце выскочит, пока я эту кнопку дёргал.

Селена наконец опустила руку и посмотрела на него. В темноте глаза казались двумя тёмными пятнами, но она знала: сейчас он улыбается. И от этой улыбки стыд, который ещё минуту назад жёг щёки, вдруг съёжился, стал маленьким и безобидным, как сдувшийся шарик.

— Зато теперь я точно знаю, — сказала она, стараясь говорить серьёзно, но голос всё равно дрожал от сдерживаемого смеха, — никаких «находок» из заброшек. Никаких коробок с надписью «старое кино».

— Никаких, — твёрдо согласился Виктор, и в этом согласии было столько облегчения, что оно почти заглушило очередной глухой удар по стене снаружи. Он даже не вздрогнул. Просто чуть подвинулся ближе, не касаясь, но давая понять, что он тут. — Только мы. И тишина. Ну, и монстры за дверью, куда ж без них.

Селена снова хихикнула, на этот раз уже спокойнее, без паники. Смех больше не был нервным — он стал их щитом, их маленькой победой над неловкостью.

— Знаешь, — прошептала она, — если бы кто-то рассказал мне эту историю неделю назад, я бы не поверила. «Сижу в подвале, прячусь от монстров, краснею из-за дурацкой кассеты, а потом смеюсь, потому что это слишком нелепо, чтобы быть по-настоящему».

— Но это по-настоящему, — тихо сказал Виктор. — И мы с этим справляемся. Даже с нелепым.

Где-то снаружи снова что-то тяжело ударило по стене, будто монстр зевнул и задел кирпичи плечом. Звук прокатился по подвалу и затих. А внутри, за закрытой дверью, тишина теперь была другой. В ней не было пустоты — в ней были они. Два человека, которые только что вместе пережили самую неловкую минуту в своей жизни и теперь сидели, чуть улыбаясь в темноте, потому что поняли: даже стыд можно разделить на двоих — и он перестанет быть таким страшным.

Глава 4."Только не уходи".

В подвале было темно и сыро, только тусклая лампочка над столом пыталась разогнать мрак, но у неё плохо получалось — тени ползли по кирпичным стенам и будто сжимали пространство. За стенами стояла глухая, злая ночь: где-то совсем рядом что-то царапалось по металлу, будто проверяло, насколько крепка дверь. Селена стояла у полки с консервами, крепко обхватив себя руками, будто так можно было удержать внутри всю ту боль, которая рвалась наружу.

Виктор молчал. И от этого молчания ей становилось только страшнее — оно было не просто тишиной, а чем-то окончательным. Он медленно поднял куртку, перекинул её через плечо и прошёл мимо, не глядя в глаза.

— Ты просто уйдёшь? — тихо спросила Селена. В этом «просто» было столько горечи, что она сама удивилась, как голос вообще не сорвался сразу. — Без слов? Без «я вернусь»? Просто исчезнешь, как тогда, в ту ночь, когда я полчаса слушала, как эти твари скребутся у двери, и думала, что ты не придёшь. Что я останусь тут одна.

Он замер у двери. Его пальцы побелели на ручке — он уже почти повернул её, уже почти шагнул туда, в эту чёрную, опасную ночь. Снаружи что-то тяжело прошагало мимо, и пол едва заметно дрогнул, будто дом вздохнул.

— Мне надо побыть одному, — глухо сказал Виктор, не поворачиваясь. — Я сейчас не могу нормально говорить. От меня одни проблемы.

Селена сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ей хотелось кричать, но крик застрял где-то в горле, превратившись в тихий, горький шёпот:

— А я не могу нормально дышать, когда ты уходишь вот так. Каждый раз, когда ты выходишь за порог, я вижу перед глазами, как ты снова идёшь туда, в темноту, где эти твари только и ждут, когда кто-то ошибётся. И я не успеваю. Я стою тут, в этом подвале, и слушаю эти звуки, и мне кажется, что каждый шорох — это уже про тебя. Что ты уже не вернёшься.

Он наконец посмотрел на неё. В его глазах была усталость, какая-то глубокая, выжженная обида на самого себя — будто он уже наказал себя сильнее, чем кто-либо мог бы.

— Прости, — выдохнул он, отпуская ручку. Пальцы у него дрожали, и он спрятал их в карманы, будто стыдился этой дрожи. — Я не уйду. Не сейчас. Просто… мне казалось, что если я буду рядом, я опять всё испорчу. Что я снова сделаю что-то не так, и тебе будет больно.

Селена хотела сказать ещё что-то резкое, хотела напомнить, как страшно было в ту ночь, как она сжимала в руках старый фонарик и шептала себе, что он обязательно вернётся. Но слова вдруг кончились. Осталась только эта горькая, звенящая боль — и желание, чтобы он просто стоял здесь, живой, рядом.

Она шагнула к нему. Не быстро, будто боялась, что он отшатнётся, как от огня. Подошла вплотную и осторожно, почти несмело положила ладони ему на грудь — туда, где под курткой глухо и ровно билось сердце.

— Не надо быть идеальным, — прошептала она, уткнувшись лбом ему в плечо. — Мне не нужен тот, кто никогда не ошибается. Мне нужен ты. Даже когда ты делаешь глупости. Даже когда я на тебя злюсь. Просто не уходи молча. Скажи хоть слово. Скажи: «Я выйду на пять минут, я вернусь». Чтобы я не стояла тут и не слушала эти шорохи, думая, что это конец.

Виктор медленно, будто боялся спугнуть этот момент, обнял её. Сначала неуверенно, едва касаясь, а потом крепче — так, будто она была тем самым якорем, который не давал ему уплыть в эту тёмную, холодную ночь.

— Прости, — снова тихо сказал он, уткнувшись носом в её волосы. — Я больше не буду уходить вот так. Клянусь. Если мне станет тяжело — скажу. Но не буду исчезать.

Селена крепче прижалась к нему, вдыхая запах старой куртки и пыли, и почувствовала, как внутри, там, где ещё секунду назад была ледяная пустота, начинает потихоньку теплеть.

Где-то снаружи снова царапнули по двери — коротко, зло, будто в последний раз. Но здесь, в их маленьком, тесном подвале, стало чуть тише. Потому что теперь они стояли вместе. И дверь была закрыта.

Глава 5. «Страх один на двоих – и мы не отпускаем».

Подвал давно перестал быть просто подвалом. Он стал их крепостью, их границей между «мы живы» и «всё кончено». Тонкие стены и старая дверь не внушали уверенности, но здесь хотя бы было место, куда можно прижаться спиной и сделать вид, что снаружи ничего нет. Хотя снаружи как раз было. И оно не молчало.

Ночь тянулась, как липкая смола. Селене было всего пятнадцать — возраст, когда ты уже считаешь себя взрослым, но ночью страх всё равно возвращается в виде чудовищ из темноты. Виктору — шестнадцать: на год старше, и ему казалось, что он обязан быть тем, кто не дрогнет, даже если внутри всё трясётся.

Они лежали в кровати Виктора — узкой, с продавленным матрасом и скрипучими пружинами. У Селены была своя кровать, она стояла у противоположной стены, аккуратно заправленная, с подушкой, на которой вышита маленькая ромашка — она сама когда-то вышила, чтобы не так страшно было засыпать одной. Но сегодня эта кровать пустовала. Из-за страха они сошлись на одном: если монстры прорвутся, пусть лучше это случится, когда они рядом, а не когда каждый в своём углу.

Сначала кошмары пришли к Селене. Ей снилось, что дверь медленно, со скрежетом открывается, и в проёме стоит не монстр, а пустота — чёрная, бездонная, которая смотрит на неё и улыбается. Она дёргалась во сне, сжимала кулаки, и пальцы её впивались в ткань куртки Виктора.

— Эй… эй, тихо, — прошептал он, когда она застонала и резко повернулась, будто хотела убежать даже во сне. — Я тут. Дверь закрыта. Слышишь?

Но за дверью и правда что-то было. Что-то тяжёлое, неторопливое. Оно ходило вокруг дома, задевая стены, оставляя на кирпиче глубокие борозды. Время от времени снаружи раздавался глухой удар — будто кто-то проверял, насколько крепка преграда. Потом слышался протяжный, низкий рык, от которого вибрировал пол. А потом — тишина. И эта тишина была хуже всего. Она заставляла воображение рисовать картины страшнее любых монстров.

Виктор тоже не спал по-настоящему. Его сон был рваным, как старая плёнка: мелькающие кадры, в которых он снова и снова не успевал добежать до двери, пока Селена кричала изнутри. В одном из таких полуснов он увидел, как она исчезает в темноте коридора, а он стоит и не может пошевелиться — ноги налились свинцом, голос пропал. Он дёрнулся, открыл глаза, тяжело дыша, и только тогда понял, что это был не коридор, а их подвал, а рядом, прижавшись к нему, тихо всхлипывает Селена.

— Прости, — пробормотала она, не открывая глаз, будто извинялась за свой кошмар. — Мне просто… там было так темно. И ты не отзывался.

Он не стал говорить, что ему снилось то же самое — эта немота, эта невозможность докричаться. Вместо этого он крепче притянул её к себе, так, чтобы между ними не осталось ни миллиметра пустоты. В свои шестнадцать он чувствовал себя одновременно и слишком юным для такой ответственности, и слишком взрослым, чтобы позволить страху взять верх.

— Я здесь, — тихо сказал он, уткнувшись в её волосы. — Слышишь эти удары? Это они снаружи. А мы внутри. Мы вдвоём. И я не отпущу.

Словно в ответ на его слова, снаружи раздался новый звук — резкий, скрежещущий, будто когти провели по металлу, проверяя, где тонкий участок. Селена вздрогнула всем телом и вжалась в Виктора так сильно, что он почувствовал, как колотится её сердце — быстро, отчаянно, как у пойманной птицы. В свои пятнадцать она уже столько раз заставляла себя быть

сильной, но сейчас ей просто хотелось, чтобы кто-то взрослый сказал: «Всё будет хорошо». А взрослым тут был только он — и этого было недостаточно. Но он старался.

— Они знают, что мы тут, — прошептала она, и голос её дрожал. — Они всё время кружат. Как будто ждут, когда мы сделаем ошибку.

— Но мы не сделаем, — твёрдо сказал Виктор, хотя внутри у него тоже всё сжималось от страха. Он не хотел лгать, но и не хотел, чтобы она чувствовала себя совсем беззащитной. — Мы держимся. Дверь крепкая. А если вдруг… если вдруг она не выдержит, мы будем держаться друг за друга. Я не дам им тебя забрать.

Селена подняла на него глаза — в тусклом свете лампочки они казались почти чёрными. В них было столько боли, столько усталости, что у Виктора защемило в груди. Ему хотелось быть для неё тем самым героем из фильмов — спокойным, уверенным, знающим, что делать. Но он был просто парнем, которому едва исполнилось шестнадцать, и который боялся не справиться.

— Обещай, — тихо попросила она. — Даже если станет совсем страшно, даже если я закричу или начну делать глупости… обещай, что не отпустишь. Что мы выберемся вместе.

Он сжал её пальцы — крепко, до лёгкого покалывания, чтобы она почувствовала: это не сон, это реальность, и он настоящий.

— Обещаю, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Мы не отпускаем. Ни тебя, ни меня. Страх у нас один на двоих, значит, и справляться будем вдвоём.

Снаружи снова что-то ударило по стене — на этот раз ближе, будто монстр подошёл вплотную и теперь нюхал воздух у щели. Звук был такой, что лампочка над столом задрожала и на секунду погасла, погрузив подвал в кромешную тьму. Селена судорожно втянула воздух, но Виктор не дал ей провалиться в панику. Он прижал её голову к своему плечу, накрыл их обоих пледом, будто это могло защитить от любого ужаса.

— Слышишь? — прошептал он. — Я дышу. Ты дышишь. Мы тут. Пока мы чувствуем друг друга — они нас не возьмут.

И в этот момент, среди скрежета, ударов и тяжёлого дыхания ночи, между ними установилось что-то большее, чем просто тепло тел. Это была договорённость: не отпускать, не исчезать, не прятаться от страха поодиночке. Страх стал общим, а значит — чуть менее страшным.

Когда следующий удар раздался уже не у двери, а где-то в стороне, будто монстр наконец потерял терпение и ушёл искать другую добычу, Селена чуть расслабила пальцы. Но не отпустила Виктора. Просто придвинулась ещё ближе, уткнулась носом в его плечо, будто хотела спрятаться от всего мира.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что не ушёл. За то, что остался. За то, что… позволил быть тут.

— Я и не собирался, — ответил он, закрывая глаза и вдыхая запах пыли, старого пледа и её волос. — Никуда. Пока ты тут — я тут.

И они лежали так, слушая, как ночь снаружи медленно теряет свою хватку, а внутри, в их маленьком убежище, становится чуть светлее. Не от лампочки — от того, что они наконец перестали бояться по отдельности. В свои пятнадцать и шестнадцать они были ещё совсем юными, но в эту ночь повзрослели на целую вечность. И пусть кровать Виктора была узкой, пусть пружины скрипели при каждом движении — сегодня это было самое безопасное место на свете.

Глава 6."Один вдох на двоих".

Прошло две недели с той неловкой истории с кассетой. Две недели, за которые стыд успел превратиться в шутку, которую они теперь вспоминали, закатывая глаза: «Ну кто вообще хранит такое в коробке с мультиками?!» — и тут же отводили взгляды, потому что щёки всё равно предательски краснели.

За эти две недели монстры не стали тише. Удары по стенам, скрежет когтей, тяжёлые шаги вокруг дома — всё это осталось. Но Селена и Виктор научились делить этот страх. Они больше не делали вид, что ничего не слышат. Иногда, когда снаружи раздавался особенно громкий рык, Виктор просто протягивал руку, а Селена молча вкладывала в неё свою ладонь — крепко, до побеления костяшек, а потом чуть расслабляла пальцы, будто говорила: «Я тут. Мы тут».

В ту ночь тишина пришла неожиданно. Не та мёртвая, обманчивая тишина, которая бывает перед самой страшной атакой, а мягкая, будто ночь наконец выдохнула. Скрежет стих, шаги ушли куда-то далеко, и даже ветер перестал теребить старые доски наверху. В подвале стало слышно то, что обычно тонет в шуме: как потрескивает лампочка, как шуршит ткань, когда кто-то неловко шевелится, как неровно, будто спотыкаясь, бьётся сердце.

Они сидели на матрасе у стены — не в кровати, а просто прижавшись спинами к кирпичу. Селена держала в руках старую книжку с выцветшими страницами, но не читала: буквы расплывались. Виктор крутил в пальцах обломок карандаша, рисовал на полу невидимые линии.

— Думаешь, они сегодня уйдут? — тихо спросила Селена, не поднимая глаз.

Виктор замер, прислушиваясь к паузе между ударами. Ночь будто затаила дыхание. Ни царапанья, ни тяжёлых шагов — только далёкий, едва уловимый ветер.

— Может быть, — ответил он. — Или просто отдыхают. Как будто… как будто и у монстров бывает тихий час.

Селена хмыкнула, но в этом звуке не было веселья — только попытка прогнать дрожь. Она подтянула колени к груди, уткнулась в них лбом. И вдруг почувствовала, как Виктор чуть сдвинулся — не резко, а так, будто сам не понял, что делает. Его плечо мягко коснулось её плеча. Не навалился, не притянул — просто стал ближе.

Она повернула голову. Совсем немного. Так, чтобы видеть его профиль в тусклом свете: линию челюсти, чуть опущенные ресницы, тонкую тень на скуле. В шестнадцать он всё ещё был мальчишкой — с неловкими пальцами и привычкой прятать глаза, когда волновался. Но сейчас он смотрел прямо перед собой, будто пытался удержать эту тишину, не дать ей рассыпаться.

И в этой тишине, в этом редком, хрупком затишье, что-то щёлкнуло. Не снаружи — внутри. Как будто весь страх, все эти две недели напряжения, все слова, которые они не решались сказать, вдруг сжались в одну точку — туда, где их плечи соприкасались.

Селена не думала. Просто чуть наклонилась — на какой-то миллиметр, будто проверяла, можно ли. Виктор не отстранился. Он даже не моргнул. Только его пальцы, сжимавшие обломок карандаша, разжались, и тот тихо упал на пол.

Их губы встретились не в порыве, не в отчаянном рывке — а в этой самой тишине. Мягко, почти несмело, как будто они боялись спугнуть момент. На долю секунды Селена замерла, испугавшись собственной смелости, и тут же почувствовала, как Виктор осторожно, будто спрашивая разрешения каждым движением, чуть крепче придвинулся к ней. Поцелуй был тихим, осторожным, как обещание, которое боятся произнести вслух.

Когда они отстранились, всего на сантиметр, оба замерли, глядя друг на друга так, будто видели друг друга впервые. Глаза Виктора были широко раскрыты, в них читался тот самый подростковый испуг пополам с восторгом: «Я правда это сделал? И мне не приснилось?»

Селена хотела что-то сказать — пошутить, отвести неловкость, снова вспомнить про кассету, чтобы спрятаться за смехом. Но слова застряли. Потому что в его взгляде не было ни насмешки, ни смущённого желания всё отменить — только тихое, огромное «я здесь».

— Прости, — выдохнул он первым, и в этом «прости» не было сожаления — только страх, что он сделал что-то не так, что переступил невидимую черту, о которой они оба молчали. — Если… если тебе не хотелось…

— Нет, — быстро сказала она, а потом, чуть тише, пряча взгляд, но не отводя его совсем: — Не извиняйся. Мне хотелось. Просто… я не знала, что можно. Что ты захочешь.

Он улыбнулся — криво, неловко, но так искренне, что у неё внутри что-то дрогнуло, будто кто-то осторожно тронул самое хрупкое место.

— Я хотел, — тихо признался он, и его голос вдруг стал совсем другим: тише, мягче, будто он боялся, что громкие слова спугнут эту тишину. — Давно хотел. Просто боялся, что… что ты подумаешь, будто я пытаюсь забыть про монстров. А это не так. Это про тебя. Про то, что с тобой не так страшно.

Селена почувствовала, как краснеют уши, как жар ползёт по шее, и ей вдруг стало смешно и сладко одновременно — от того, что они оба говорят это так неловко, будто учатся заново произносить самые простые слова.

— С тобой тоже, — прошептала она, пряча улыбку в плече, а потом всё-таки подняла глаза. — И… можно ещё раз? Только если ты хочешь. Я не хочу, чтобы ты думал, что я… ну, что мне просто страшно.

Виктор кивнул, медленно, будто тоже боялся спугнуть момент, и снова чуть наклонился к ней. На этот раз поцелуй получился чуть увереннее, но всё такой же осторожный — как будто они оба всё ещё проверяли: правда ли это происходит? Правда ли им можно?

Снаружи снова раздался удар — глухой, тяжёлый, будто монстр пнул стену от скуки. Селена вздрогнула, но не отшатнулась. Наоборот, чуть прижалась к Виктору, и он тут же обнял её — не крепко, не до боли, а ровно настолько, чтобы она чувствовала: он не исчезнет.

— Слышишь? — тихо спросил он, наклоняясь к её уху. — Один вдох. Потом ещё один. И ещё. Пока они там шумят, мы тут считаем.

— Один, — прошептала она.

— Два, — подхватил он.

— Три…

И пока снаружи мир был полон острых когтей и тяжёлых шагов, здесь, в их маленьком подвале, было только это: один вдох на двоих — и тишина, которая вдруг перестала быть страшной, потому что теперь они наполняли её чем-то своим, тёплым, живым.

Глава 7. «Два дыхания, которые теперь звучат в такт».

После той кассеты и того тихого, неловкого поцелуя в темноте всё будто сдвинулось на миллиметр — так незаметно, что, если не присматриваться, можно было бы подумать, что ничего не изменилось. Но стоило только присмотреться… и становилось ясно: они больше не просто два человека, прячущихся от монстров. Они стали парой — пусть ещё не умеющей носить это слово вслух, но уже чувствующей его кожей.

Теперь прикосновения не были случайными. Раньше, если Виктор тянулся к Селене, это было из страха: «Держи меня, иначе я исчезну». Теперь он касался её так, будто проверял: «Ты тут? Ты настоящая?» — и, получив ответ в её тёплом плече, в лёгком кивке, он будто находил опору, о которой раньше и не подозревал.

Селена тоже изменилась. Она больше не отдёргивала руку, когда их пальцы случайно соприкасались. Вместо этого она теперь сама искала эту близость: могла положить ладонь ему на рукав, просто чтобы почувствовать ткань и тепло под ней.

Они сидели на матрасе, прижавшись друг к другу плечами, когда снаружи вдруг раздался не привычный скрежет, а тяжёлый, глухой удар — такой, будто монстр не просто ходил вокруг, а решил проверить, насколько крепка стена именно в этом месте. Пол под ними дрогнул, лампочка над столом замигала, и на секунду показалось, что тьма сейчас прорвётся внутрь, сметая все их хрупкие договорённости.

Селена вздрогнула и вцепилась в рукав Виктора так сильно, что пальцы побелели. Он не стал говорить «всё хорошо» — они оба знали, что это неправда. Вместо этого он просто обнял её — не за талию, не театрально, а крепко, по-настоящему, прижимая к себе так, чтобы между ними не осталось ни миллиметра пустоты.

— Дыши, — тихо сказал он ей в волосы, сам стараясь выровнять собственное дыхание, которое рванулось вверх от адреналина. — Просто дыши. Я тут. Слышишь? Я тут.

Она кивнула, уткнувшись ему в плечо, и только потом прошептала, так тихо, что почти слилось с шумом за стеной: — А если… если на этот раз они прорвутся? Если стена не выдержит?

Виктор на секунду замер, потому что у него не было ответа. Не было никакого плана, никакой волшебной фразы, которая бы сделала монстров слабее. Но у него было кое-что другое.

— Тогда мы будем держаться друг за друга, — просто сказал он. — До самого конца. И даже если станет темно и страшно, я буду знать, что ты рядом. И ты будешь знать, что я тут. Этого хватит, чтобы не рассыпаться.

Селена подняла на него глаза, в которых ещё дрожал страх, но уже пробивалось что-то другое — доверие, тёплое и тяжёлое, как якорь.

— Ты всегда так говоришь, — чуть хрипловато сказала она. — «Я тут». И знаешь… знаешь, это правда помогает. Даже когда я понимаю, что это просто слова, они всё равно держат. Как будто ты строишь стену из воздуха, и она почему-то выдерживает.

Он слабо улыбнулся, но улыбка вышла не весёлой, а серьёзной, собранной.

— Значит, буду строить, — кивнул он. — Пока есть голос, буду говорить. Пока есть руки — буду держать.

Снаружи снова ударили по стене. На этот раз ближе. Звук был такой, будто когти скользнули по бетону, выискивая трещину. Селена снова сжалась, но уже не так отчаянно. Теперь у неё была опора.

— Раньше, — вдруг тихо сказала она, не отрывая головы от его плеча, — раньше, когда мы только прятались тут, я думала, что дружба — это когда люди смотрят в одну сторону. Как напарники. Бок о бок, чтобы прикрывать друг другу спину. А любовь… наверное, это когда люди смотрят друг на друга, даже если сзади надвигается буря. И всё равно держатся.

Виктор чуть крепче сжал её плечи, не отпуская, но и не давя.

— Мы были хорошими напарниками, — тихо ответил он. — Я прикрывал твою спину, а ты — мою. И это было важно. Но теперь… теперь мне мало просто стоять рядом с тобой. Мне нужно, чтобы ты знала: если что-то случится, я не буду думать о себе. Я буду думать только о том, как тебя вытащить. Даже если для этого придётся кричать, драться, бежать… или просто не отпускать твою руку, пока всё не стихнет.

Селена чуть приподняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и в этом взгляде было столько доверия, что у Виктора на секунду перехватило дыхание.

— Не надо обещать «до конца», — прошептала она. — Просто… просто будь со мной сейчас. Вот в эту минуту. Этого достаточно.

— Сейчас я тут, — твёрдо сказал он. — И через минуту буду тут. И через час. Я не исчезну.

Она снова уткнулась ему в плечо, но теперь уже не от страха, а от облегчения — как будто сняла с себя тяжёлый рюкзак и наконец-то могла выдохнуть.

— Знаешь, — тихо сказала она спустя минуту, когда следующий удар снаружи прозвучал чуть тише, будто монстр ушёл проверять другую стену, — я раньше боялась, что если мы станем ближе, то я стану слабее. Что если позволю себе зависеть от кого-то, то в решающий момент не смогу действовать. Думала, что сила — это когда ты один и ни на кого не оглядываешься. А теперь понимаю: это не слабость. Это… как второй голос внутри. Когда мой собственный замолкает от страха, твой говорит: «Мы справимся».

Виктор помолчал, потом тихо, почти в самое её ухо, прошептал:

— Тогда пусть будет два голоса. Пусть будет два дыхания. Пусть даже два страха. Но они будут нашими. Общими. И тогда им будет тесно, и они начнут таять.

И правда: их дыхания постепенно выравнивались. Сначала её было быстрым, рваным, потом оно стало медленнее, подстраиваясь под его спокойный ритм. Вдох. Выдох. Снова вдох. Два дыхания, которые теперь звучали в такт.

Когда снаружи наконец воцарилась та самая обманчивая тишина, которую они научились не принимать за безопасность, Селена чуть отстранилась, но только чтобы взять его лицо в ладони — осторожно, как будто оно было хрупким.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не дал мне провалиться в этот страх. За то, что просто был тут.

Он накрыл её ладони своими, прижал чуть крепче, будто хотел сохранить это тепло.

— Всегда, — сказал он. — Что бы ни было снаружи. Что бы ни случилось. Я буду тут. Не как друг, который просто рядом. А как тот, кто не сможет без тебя дышать.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что даже тусклая лампочка над ними будто стала ярче.

— Тогда я тоже, — тихо ответила она. — Буду тут. Буду держать. Буду дышать вместе с тобой.

Они снова прижались друг к другу, теперь уже не из страха, а из потребности чувствовать: живой. Рядом. Не исчез. И пока снаружи мир продолжал рушиться, внутри, в их маленьком подвале, была тишина, наполненная чем-то очень важным — двумя сердцами, двумя дыханиями и одним общим обещанием: не отпускать.

Глава 8. «Что показала нам кассета – и что мы поняли сами».

После просмотра кассеты тишина в подвале стала другой – густой, звенящей. Она больше не было спокойной. В ней теперь прятались взгляды, которые они не решались задержать друг на друге, и слова, которые никак не могли найти дорогу к губам.

У Селены: Я стала чаще думать о Викторе совсем в другом ключе: что он сильный, красивый, что мне нравятся его темные волосы, что хочется коснуться губ. Это была не просто трудная ночь, а еще и стыдная. Мне снилось, что я целую Виктора в засос, и что он потом поднял меня на руки и положил на кровать. Что он меня гладил и целовал в шею, плечи и ключицы. Как он смотрел своими карими глазами на меня. Его желание ко мне прикоснуться. Как он снимал с меня одежду, и когда я снимала с него одежду.

У Виктора: После просмотра этой злополучной кассеты мне стало еще невыносимее, чем тогда, когда я не видел эти, грубо говоря, кадры. Я старался забыть эту кассету, но как я ни старался, не мог. Мне приснился сон, как я с Селеной на кровати занимались этим. Как она стонала и умоляла меня не останавливаться. Что мы были без одежды. Как я гладил ее тело. Как мы целовались так, как будто не могли жить без этого. Как ее красивые и длинные русые волосы свисали на ее плечах. Как потом она была снизу, а я ее ласкал, а она стонет потом. Резко я потом проснулся. Время было 6:21 утра. Селена еще спала. Боже, как мне стыдно за это. Потом посмотрел вниз, и, конечно, у меня стало...

Селена проснулась резко, будто из темноты её выдернул не звук, а собственное сердце, колотившееся где-то в горле. На секунду она замерла, не открывая глаз, пытаясь удержать обрывки сна — не образы, а ощущения: тепло, которое обволакивало, чувство, что её держат крепко и не отпустят. А потом реальность навалилась тяжёлым, пыльным воздухом подвала, и щёки вспыхнули жаром так сильно, что стало почти больно.

Она лежала, уткнувшись в жёсткий край подушки, и боялась пошевелиться. Ей казалось, что если она откроет глаза, Виктор сразу всё поймёт. Прочтёт по её лицу, по тому, как дрожат ресницы, по тому, как она не может сделать нормальный вдох. Сон был таким ярким, таким настоящим, что стыд царапал изнутри, смешиваясь с чем-то другим — с тягучим, сладким теплом, от которого хотелось одновременно смеяться и плакать.

«Как я теперь на него посмотрю?» — эта мысль билась в голове, как испуганная птица. Она вспомнила, как во сне тянулась к нему, не стесняясь, не прячась, и от этого становилось ещё жарче. Ей хотелось провалиться сквозь этот старый матрас, исчезнуть, чтобы не встречаться с ним взглядом. Но в то же время… в то же время ей хотелось снова почувствовать это тепло. Даже если только на секунду. Даже если это просто воспоминание.

Когда она, наконец, решилась приоткрыть глаза, Виктор уже сидел на своей кровати, одеяло его прикрывал его ноги, сгорбившись, опустив голову, будто пытался стать меньше. Он тёр лицо ладонями, и в этом жесте было столько неловкости, столько желания стереть с себя что-то невидимое, что у Селены вдруг защемило в груди не от стыда, а от нежности.

— Доброе… — начала она тихо, но голос сорвался, прозвучал хрипло и странно. Она закашлялась, прикрывая рот рукой, и сделала вид, что это из-за пыли. — Доброе утро, — повторила чуть твёрже, уставившись на свои пальцы, переплетённые в тугой узел на коленях.

Виктор вздрогнул от звука её голоса, будто его застали врасплох. Он поднял голову при этом поправляя одеяло, сделав, слегка повыше, и их взгляды столкнулись на долю секунды — и тут же разбежались в разные стороны, как испуганные звери.

— Ага, — буркнул он, отводя глаза и глядя куда-то в угол, где тень лежала особенно густо. — Утро.

Он чувствовал себя так, будто его поймали за чем-то постыдным, хотя он ничего не сделал. Просто думал. Просто видел. И эти видения теперь жгли изнутри, смешиваясь со стыдом и с каким-то отчаянным, почти пугающим желанием снова увидеть в её глазах то, что было во сне: доверие, тепло, готовность быть рядом. При этом у него были проблемы по круче, в его штанах.

Ему хотелось сказать что-то обычное, что-то, что вернёт их в привычное русло: «Хочешь чаю?», «Давай проверим дверь», «Тут сегодня холоднее». Но слова застревали в горле, потому что каждое из них казалось слишком маленьким для той громады эмоций, что сейчас давила на грудь.

А ещё ему было страшно, что Селена, увидит его проблемку, что ей станет от него отвращение.

— Ты… — начал он, запнулся, прокашлялся и попробовал снова. — Ты нормально спала?

Вопрос прозвучал глупо, слишком просто, но это было единственное, что он смог выдавить.

Селена кивнула, всё ещё не решаясь поднять на него глаза. Она смотрела на свои руки, на то, как побелели костяшки от того, как сильно она сжимала пальцы.

— Да, — соврала она, потому что сказать «нет» значило бы признаться, что она вообще не спала, а металась между сном и явью, сгорая от собственных мыслей. — А ты? Ты вроде… крепко спал.

Она сказала это с надеждой, будто если он подтвердит, что спал без снов, без мыслей, без всего этого хаоса, то и ей станет легче.

— Не знаю, — честно признался он, и это «не знаю» повисло между ними, тяжёлое и честное. — Вроде спал. А вроде и нет.

Они снова замолчали, и тишина теперь была не звенящей, а мягкой, будто обволакивающей. В ней уже не было напряжения, только осторожное, робкое понимание: они оба прошли через что-то этой ночью. Не обязательно через одно и то же, но через что-то важное. И теперь им нужно было научиться снова смотреть друг на друга, не обжигаясь.

Внезапно снаружи раздался привычный скрежет — резкий, царапающий, возвращающий их в реальность. Селена вздрогнула, но на этот раз не сжалась в комок. Вместо этого она подняла глаза и увидела, что Виктор уже смотрит на неё. Не в сторону, не сквозь, а прямо. И в его взгляде не было ни насмешки, ни неловкости — только тихое, спокойное «я тут».

— Знаешь, — тихо сказала она, и её голос уже не дрожал, — после этой кассеты… всё как будто сдвинулось. Я теперь думаю о тебе… не так, как раньше. И это… немного пугает.

Виктор медленно кивнул, не отводя взгляда. Он понимал, о чём она говорит, потому что чувствовал то же самое.

— Меня тоже, — признался он. — Но знаешь… я не хочу, чтобы из-за этого мы перестали быть рядом. Не хочу, чтобы ты пряталась от меня в своём углу, потому что тебе неловко.

Селена слабо улыбнулась, и эта улыбка была такой искренней, такой хрупкой, что у него защемило в груди.

— Я и не хочу прятаться, — прошептала она. — Просто… дай мне немного времени, чтобы привыкнуть к этому новому. К тому, что я теперь вижу тебя… по-другому.

— Дам, — твёрдо сказал он. — Столько, сколько нужно. А пока… пока мы можем просто сидеть рядом. И молчать. Или говорить про мороженое. Про что угодно, лишь бы не про монстров.

И они снова замолчали, но теперь это молчание было другим. В нём не было неловкости. В нём было обещание: мы справимся. Мы пройдём через это смущение, через этот стыд, через эти новые чувства. Потому что мы — вместе.

Снаружи снова что-то ударило по стене, и лампочка над столом качнулась. Но внутри, в их маленьком мире, было тихо. И в этой тишине они наконец-то смогли сделать глубокий, спокойный вдох.

Глава 9."Пара против тьмы".

Это место не было безопасным. Никогда не было. Подвал пах сыростью, ржавчиной и страхом — запахом, который въедается в кожу, если долго прячешься в темноте. Дверь ходила ходуном от ударов, будто кто-то снаружи проверял её на прочность, и каждый толчок отдавался в груди глухим, неприятным эхом. Лампочка над столом мигала, как уставшее сердце: то вспыхнет, то погаснет, то снова выдаст тусклый свет, чтобы на секунду показать, что они всё ещё здесь.

Но сегодня Селена не смотрела на дверь. Она смотрела на Виктора.

Он сидел, чуть наклонившись вперёд, локти на коленях, пальцы сцеплены. Не в напряжении, не в готовности броситься в драку — в собранности. Как человек, который знает: опасность реальна, она совсем рядом, но прямо сейчас самое важное — не она.

Селена пододвинулась ближе — ровно настолько, чтобы их плечи соприкасались. Не чтобы спрятаться за ним, а чтобы чувствовать: он здесь. Настоящий. Тёплый. Не сон.

— Знаешь, — тихо сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал, — я всё время думала, что безопасность — это когда тихо. Когда никто не скребётся, не стучит, не пытается ворваться. А сейчас понимаю: тишина не спасает. Спасает то, что ты рядом.

Виктор чуть повернул голову. В полумраке его глаза казались почти чёрными, но в них не было пустоты — в них была сосредоточенность. И ещё что-то, чего раньше Селена не замечала: спокойствие, которое не от того, что ему не страшно, а от того, что он знает, за что держится.

— Это место не безопасно, — спокойно сказал он, будто озвучивал очевидное, без пафоса, без попытки её утешить. — И вряд ли станет. Но знаешь, что? Я не хочу быть здесь с кем-то другим. Если уж нам приходится сидеть в подвале, где стены дрожат от ударов, я хочу, чтобы ты была рядом. Чтобы я мог просто видеть, как ты дышишь. Чтобы знать, что ты не исчезла в этой темноте.

Селена слабо улыбнулась. Не радостно — слишком много вокруг было тяжёлого, слишком много скрежета и холода. Но искренне.

— А я не хочу быть ни с кем другим, — прошептала она. — Даже если тут страшно. Даже если лампочка вот-вот погаснет навсегда. Я хочу быть с тобой.

Он протянул руку. Не резко, не хватая, а осторожно, как будто предлагал что-то хрупкое: просто ладонь, открытую, без защиты. Селена вложила свою руку в его. Их пальцы переплелись — не крепко, не до побелевших костяшек, а так, как держат, когда боятся потерять: бережно, но уверенно.

Снаружи снова ударили по двери — на этот раз сильнее. Что-то металлическое звякнуло, петли скрипнули, и звук прокатился по комнате, как волна, которая должна была сбить их с ног. Селена вздрогнула — не от страха, а от неожиданности. Но не отпустила руку Виктора. Наоборот, чуть крепче прижала пальцы к его ладони, будто проверяя: «Ты всё ещё тут?»

И он понял. Не спросил, не стал говорить «не бойся». Просто чуть наклонился к ней, так что их плечи теперь плотно прижимались друг к другу, и тихо, ровно сказал:

— Слышишь? Он громкий. Он злой. Но он там. А мы тут. И мы вместе. И пока мы держимся за руки, он не может нас разделить.

Ещё один удар. Потом ещё. Дверь застонала, будто пыталась что-то сказать, предупредить. Но Селена уже не слушала дверь. Она слушала Виктора. Его голос. Его дыхание. То, как ровно и спокойно он говорил, будто эти удары были не угрозой, а просто шумом, который рано или поздно стихнет.

— Раньше, — тихо призналась она, — я боялась, что если станет совсем плохо, я сорвусь. Начну кричать, метаться, делать глупости. А сейчас… сейчас мне кажется, что даже если дверь не выдержит, даже если тьма ворвётся сюда, я не сорвусь. Потому что ты меня поймаешь.

Виктор посмотрел на неё. Прямо, без отговорок.

— Поймаю, — просто сказал он. — Не потому что я какой-то герой. А потому что не могу иначе. Ты — часть того, ради чего я вообще пытаюсь держаться.

Они посидели так ещё минуту. Может, две. В темноте, где каждый звук был слишком громким, а каждое молчание — слишком важным. Лампочка мигнула в последний раз и погасла. Комната погрузилась в серую, плотную темноту, в которой ничего нельзя было разглядеть. Но им и не нужно было видеть. Им нужно было чувствовать.

Селена чуть подвинулась, прижалась лбом к его плечу — совсем на секунду, просто чтобы убедиться: он настоящий. Виктор не обнял её сразу. Сначала он подождал, давая ей время привыкнуть к темноте, к тишине, к тому, что теперь между ними не было неловкости. А потом осторожно положил руку ей на спину — не удерживая, а поддерживая. Как будто говорил: «Я тут. Держу».

— Мы пара, — сказала Селена, не спрашивая, а утверждая. Просто, твёрдо, как говорят о чём-то самом главном. — И пусть это место не безопасно. Пусть за стеной кто-то скребётся и бьёт по двери. Мы не одни. И это меняет всё.

Виктор тихо выдохнул. В этом выдохе было столько облегчения, столько признания, что Селена почти почувствовала, как с его плеч падает что-то тяжёлое.

— Да, — спокойно ответил он. — Мы пара. И если придётся сражаться — будем сражаться. Если придётся прятаться — будем прятаться. Но только вместе.

Тень на стене дрогнула, будто тьма пыталась дотянуться, проникнуть внутрь, найти слабину. Но слабины не было. Потому что между тьмой и ними стояло не железо, не бетон, не ржавые петли. Между ними стояло что-то другое — то, что нельзя сломать ударом, нельзя стереть скрежетом, нельзя смыть сыростью этого подвала.

Это было их «я тут». Их «мы вместе». Их тихое, упрямое «не отпущу».

— Ты тут? — тихо спросила Селена, закрывая глаза, чтобы лучше слышать его голос в темноте.

— Тут, — так же тихо ответил Виктор. — И не уйду.

И в этой тишине, среди ударов, шорохов и тяжёлого воздуха подвала, они впервые по-настоящему поверили: место может быть небезопасным. Мир может быть сломанным, тёмным, полным угроз. Но пока они держатся друг за друга, пока их пальцы переплетены, пока их голоса звучат рядом — они выстоят.

Внезапно удары за стеной стали реже. Не потому что опасность ушла — нет, тьма не сдавалась. Просто она будто поняла: здесь ей не пробиться. Здесь двое стояли не спиной к спине, как чужие, вынужденные защищаться, а лицом к лицу, соединённые чем-то, что было сильнее страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.